

Италія и европейская война.

Поведеніе Италіи продолжаетъ вызывать въ европейской печати без-
срочныя обсужденія. Какимъ образомъ объяснить ея уклоненіе отъ
частія въ современномъ конфликтѣ? Какъ примирить ея тридцатилѣт-
нее пребываніе въ тройственномъ союзѣ съ теперешней двойственной
политикой? Долго ли продолжится ея нейтралитетъ и на чью сторону
покажется она, если въ свою очередь возьмется за оружіе? Вотъ вопросы,
а которыхъ теперь часто останавливается общее вниманіе. Со всѣхъ
сторонъ даются ей различныя совѣты. Одни общаются ей за участіе
въ войнѣ, Ниццу, Тунисъ, другіе предлагаютъ захватить Трентъ и Триестъ;
одни указываютъ на огромное значеніе для нея Средиземнаго моря,
другіе—на значеніе Адриатическаго. Не такъ давно было время, когда
каждому выступленію Италіи придавали рѣшающее значеніе, те-
перь, повидимому, склоняются къ другому взгляду на этотъ вопросъ,
что достаточно будетъ измѣниться соотношенію силъ на театрѣ воен-
ныхъ дѣйствій, и прежнее мнѣніе восторжествуетъ.

Не менѣе горячо, понятно, дебатировались всѣ эти вопросы и въ
итальянской печати. Въ первый моментъ общественное мнѣніе страны
казалось совершенно не подготовленнымъ къ разразившимся событіямъ.
Текстъ трактата тройственнаго союза былъ неизвѣстенъ. Парламентъ
былъ закрытъ. У партій не было опредѣленныхъ директивъ. Особое
географическое положеніе Италіи, ея предыдущая политика, не всегда
согласная заодно съ ея симпатіями и антипатіями, финансовыя затрудне-
нія усложняли и безъ того трудный вопросъ и требовали времени для
его всесторонняго обсужденія. Приходилось довѣряться рѣшеніямъ пра-
вительства, но во главѣ Италіи въ такой отвѣтственный моментъ ока-
зался новый, не успѣвшій заслужить безусловнаго довѣрія кабинетъ,
существовавшій только четыре мѣсяца своей политической жизни. Ему
удалось очутиться у власти только благодаря тому, что Джіолитти въ
виду внутреннихъ осложненій счелъ для себя болѣе удобнымъ отойти
отъ управленія страной, несмотря на значительное большинство въ

парламентъ, а его прямыя наслѣдники нашли невыгоднымъ пока принять его наслѣдство. Какъ всегда бываетъ въ періоды „парламентскихъ междуцарствій“, созданъ сѣрый, не выдающійся по своему составу кабинетъ съ тусклой умѣренно-либеральной программой. Глава его бывшій профессоръ административнаго права въ римскомъ университетѣ, Саландра, человекъ умный, безусловно честный, не лишенный энергіи и предприимчивости, не является все же личностью, которой страна могла бы довѣрить управление въ такое время. Дѣйствительно, въ печати даже стали появляться статьи съ предложеніемъ послѣдовать примѣру Франціи и создать родъ „комитета народнаго спасенія“ изъ видныхъ представителей всѣхъ партій. Однако, первый шагъ, сдѣланный Саландрой послѣ начала европейской войны,—объявленіе нейтралитета Италіи,—былъ встрѣченъ всеобщимъ сочувствіемъ. Даже сторонники войны нашли эту мѣру вполне разумной и соотвѣтствующей обстоятельствамъ. Странѣ давалась возможность подготовиться въ военномъ и политическомъ отношеніи, „выработать опредѣленное общественное мнѣніе“ и принять рядъ неотложныхъ финансовыхъ мѣропріятій. Во обще не блестящія финансовыя дѣла Италіи за послѣднее время значительно ухудшились, благодаря африканской войнѣ, послѣдовавшей за событіями на Балканахъ кризису и быстро увеличивающимся расходамъ на внутреннія нужды государства. Еще въ тронной рѣчи 27 ноября прошлаго года признавалась неизбежность большаго „самопожертвованія со стороны зажиточныхъ классовъ“. Въ министерской же деклараціи отъ 3 апрѣля было указано безъ прежнихъ отговорокъ, что „не смотря на значительныя суммы, полученныя отъ выпущенныхъ въ широкихъ размѣрахъ... банковыхъ билетовъ, государственная касса остается истощенной, благодаря тратамъ, понесеннымъ въ теченіе войны въ то же время все возрастаютъ обременительныя текущіе расходы на общественныя работы и, главнымъ образомъ, на желѣзнодорожныя предпріятія“. Министръ финансовъ Рубини долженъ былъ констатировать дефицитъ въ крупныхъ размѣрахъ, а Саландра—признаться, что „новыя поступленія недостаточны для покрытія этого дефицита“. Послѣднее заявленіе было сдѣлано 27 іюня н. ст., т.-е. за мѣсяцъ до объявленія Австріей войны Сербіи. Дальнѣйшія событія отразились на состояніи государственной кассы самымъ тяжелымъ образомъ. Потребовались крупныя экстренныя траты на войско, разразился кризисъ, и правительство принуждено было прибѣгнуть къ ряду мѣръ, къ которымъ обратились даже не всѣ изъ воюющихъ государствъ. Былъ объявленъ мораторіумъ, изданы постановленія о вывозѣ, размѣнѣ, страховкѣ, ввозѣ продуктовъ первой необходимости и т. д.

Чрезвычайная важность для Италіи этого вопроса отлично оцѣняется даже простымъ обывателемъ. Ему приходится нести слиш

комъ большіе налоги, чуть не на каждомъ шагѣ натыкаться на печальныя результаты пустой государственной кассы, принимать личное участіе въ почти не прекращающихся экономическихъ забастовкахъ или, по крайней мѣрѣ, постоянно слышать о нихъ. Онъ знаетъ, что по недостатку средствъ у Италіи нехватаетъ судей, офицеровъ, чиновниковъ, зданій для нуждъ государства, что не предпринимается рядъ необходимыхъ для страны работъ, вродѣ, напримѣръ, осушки болотъ, проведенія воды, что откладываются совершенно назрѣвшія реформы и т. д. Онъ знаетъ, наконецъ, во что обходится даже такая незначительная война, какъ ихъ война съ Турціей, оставившая опустошенной государственную кассу и наложившая на него новые налоги, несмотря на то, что тогдашнее финансовое положеніе Италіи было блестящимъ по сравнению съ теперешнимъ. Но всѣ эти соображенія отступаютъ на второй планъ передъ болѣе важными и болѣе насущными вопросами.

Тройственный союзъ спасалъ до сихъ поръ Италію отъ того изолированнаго положенія въ Европѣ, все неудобство котораго пришлось испытать ей въ эпоху заключенія Франціей договора съ тунисскимъ беемъ, т.-е. въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Онъ давалъ Италіи увѣренность, что интересамъ ея на Средиземномъ морѣ впредь не будетъ нанесено ущерба, гарантировалъ ее отъ нападений со стороны Франціи и Австріи, которыхъ она въ равной степени могла опасаться, обезпечивалъ отъ консервативныхъ и феодальныхъ возстаній въ самомъ Римѣ, позволялъ ей надѣяться на сохраненіе status quo на Балканахъ или хотя бы на компенсацію, если бы произошли какія-нибудь измѣненія въ пользу Австріи. Кромѣ того, есть основанія предполагать, что этотъ союзъ облегчилъ ей заключеніе договоровъ съ нѣкоторыми другими государствами. Извѣстно, напримѣръ, что Бисмаркъ по ряду соображеній старался помочь ей заключить договоръ съ Англіей, касающійся охраны взаимныхъ интересовъ. Повидимому, старанія его не остались безъ результата. „Традиціонная дружба съ Англіей,—заявилъ Ди Рудини въ 1897 г. въ палатѣ,—пополняетъ нашу союзную систему“; а Депретисъ немногимъ раньше утверждалъ, что Италія теперь—въ безопасности и на сушѣ, и на морѣ ¹⁾. Тройственный союзъ, обезпечивъ Италіи въ теченіе тридцати лѣтъ внѣшній миръ, позволилъ ей всѣ свои силы направить на внутреннее развитіе и устройство. Многимъ изъ того, чего удалось Италіи достигнуть въ столь короткій срокъ, она обязана тѣмъ выгодамъ и преимуществамъ, которыя далъ ей этотъ союзъ.

Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что, какъ только вспыхнула европейская война и особенно до того момента, пока не выяснилась для всѣхъ роль Англіи въ конфликтѣ, стали раздаваться голоса за со-

¹⁾ *Crispi.* „Politica estera“. Milano, 1914.

вмѣстное выступленіе съ союзниками противъ Франціи. И даже въ настоящее время находится не мало лицъ, считающихъ войну съ Австріей гнуснымъ предательствомъ. „Народы и индивидуумы не живутъ только хлѣбомъ насущнымъ. Необходимы также законность и достоинство. Италія была бы предательницей, если бы напала сзади на своихъ вчерашнихъ и сегодняшнихъ союзниковъ, преслѣдуя исключительно свои выгоды“ („Тройственный союз“. Замѣтки, наброски и воспоминанія стараго депутата. Римъ, 1914 г.). „Я полагаю,—говоритъ по поводу войны съ Австріей депутатъ Нунціанте,—что даже въ политикѣ кой-какой минимумъ порядочности все же обязательенъ“. По тому же поводу депутатъ Альбертъ Кальда заявляетъ слѣдующее: „Да вѣдь за объявленіе войны при этихъ условіяхъ нашимъ союзникамъ, уже переносящимъ удары трехъ, четырехъ, пяти державъ, мы заслужимъ такой позоръ, такое безчестіе, что насъ разъ навсегда вычеркнутъ изъ списка европейскихъ государствъ“ (*Avanti*, 4 окт. 1914 г.). „Кто согласится впоследствии заключить съ нами хоть какой-нибудь договоръ,—замѣчаютъ другіе,—если мы все́мъ докажемъ, что предаемъ нашихъ союзниковъ въ трудную минуту“ (*Rassegna Contemporanea*, 1914 г., XVIII).

Характерно то обстоятельство, что сторонники тройственного союза и противники войны съ центральными государствами принуждены прибѣгать къ доводамъ преимущественно моральнаго свойства, не имѣющимъ, какъ извѣстно, рѣшающаго значенія въ современной политикѣ. Конечно, прогнозъ въ данное время—дѣло чрезвычайно трудное, и они въ правѣ отказаться отъ обсужденія грядущихъ ситуаций и отъ оцѣнки значенія для Италіи этого союза въ будущемъ, но въ ихъ рѣчахъ обычно бываетъ замѣтна и недостаточная увѣренность въ неоспоримости той пользы, которую онъ принесъ даже въ прошломъ. Онъ былъ полезенъ Италіи, но это былъ все же вынужденный союзъ, союзъ съ явнымъ врагомъ. „Мы заключили союзъ съ Австріей, не имѣя возможности объявить ей войну“—мѣтко охарактеризовалъ эти отношенія депутатъ Арчео Сперанца. Этому союзу было принесено не мало жертвъ, изъ-за него претерпѣли не мало оскорбленій и униженій. Не говоря уже о томъ, что нужно было забыть многое изъ тяжелаго прошлаго подъ игомъ Австріи, отказаться отъ отнятыхъ Трента и Триеста, переносить постоянное преслѣдованіе итальянцевъ въ этихъ мѣстахъ, но приходилось вычеркнуть изъ памяти все́мъ недавнее, грубое „veto“, которое остановило итальянскій флотъ передъ Превезой, декреты Гогенлоэ, увольненіе въ самой Италіи неугодныхъ Австріи чиновниковъ и даже министровъ. (Министръ финансовъ былъ однажды удаленъ за присутствіе на банкетѣ ирредентистовъ.) Чѣмъ болѣе внутренне укрѣплялась Италія, чѣмъ болѣе развивались на сѣверѣ ея промышленность и торговля, тѣмъ сильнѣе обнаруживался антагонизмъ ея интересовъ съ

австрийскими. Росло соперничество за преобладание на Адриатическомъ морѣ и на Балканахъ. „Адриатико-балканская проблема,—пишетъ *Corriere della Sera* въ № 274,—является въ настоящее время первой въ серіи тѣхъ проблемъ, которыя Италия не по своей волѣ, а въ силу обстоятельствъ вынуждена разрѣшить, по крайней мѣрѣ, въ касающейся ея части... Она поставлена на очередь борьбой между Австріей и Сербіей. Если бы Австрія побѣдила, то морское значеніе Италии на Адриатикѣ сильно уменьшилось бы, благодаря престижу австрийскихъ побѣдъ и росту австрийскаго вліянія. Сверхъ того, она могла бы сдѣлать изъ Каттаро новую болѣе грозную морскую базу противъ насъ“.

Договоръ, обезпечивающій status quo, не могъ уже удовлетворять, такъ какъ было ясно, что одна изъ державъ рано или поздно его нарушитъ подъ вліяніемъ своихъ насущныхъ потребностей. Взаимныя компенсаціи не могли уже помочь, да и не могли быть даны въ такой мѣрѣ, чтобы удовлетворить кого-нибудь изъ нихъ. Это стало особенно яснымъ во время первой и второй балканской войны, но, конечно, обнаруживалось и раньше, напримѣръ, когда Австрія чуть-чуть не напала на Италию послѣ бомбардировки послѣдней—Превезы. Соперничество за реобладание въ Албаніи, попытки захватить съ одной стороны Ловчень, съ другой—Валлону, протестъ по поводу бомбардировки Антверпа были лишь отдѣльными иллюстраціями того положенія, что тройственный союзъ за послѣднее время сталъ для Италии только тяжелой военной необходимостью и потерялъ свою raison d'être съ объявленіемъ войны. Если Германия и Австрія побѣдятъ,—думаютъ теперь въ Италии,—то ихъ гегемонія на континентѣ сдѣлается столь сильной и желѣзной, что Италия превратится въ ихъ простой дипломатическій придатокъ. Ея интернациональный удѣльный вѣсъ будетъ несравненно меньше современнаго. Чтобы что-нибудь предпринять, она будетъ должна сообразоваться съ рѣдначертаніями изъ Берлина“ (*Corriere della Sera*, № 274).

Даже тогда, когда въ силу тунисской политики Франціи Италия должна была отыскать себѣ болѣе сильнаго союзника, она обратилась не къ Австріи, а къ Германіи, надѣясь въ ней найти помощь одновременно какъ противъ той, такъ и противъ другой. Но Бисмаркъ отвѣтилъ, что „дорога въ Берлинъ идетъ черезъ Вѣну“. „Надѣюсь,—говорилъ онъ еще въ 1877 году Криспи,—что ваши отношенія съ Вѣной сдѣлаются дружескими, а современемъ даже сердечными. Во всякомъ случаѣ, если бы вы выступили противъ Австріи, то для меня это было бы прискорбно, но воевать изъ-за этого я не сталъ бы“. Не имѣя возможности отказаться отъ союза съ Германіей, Италия принуждена была идти по дорогѣ, указанной желѣзнымъ канцлеромъ. Послѣ цѣлаго ряда колебаній и оттягиваній Италия присоединилась съ нѣкоторыми спеціальными добавленіями къ союзному договору, уже существовавшему съ 1879 года между Германіей и Австріей.

Прямым слѣдствіемъ сближенія съ центральными государствами было продолженіе тѣхъ натянутыхъ отношеній съ Франціей, которыя возникли послѣ захвата ею Туниса. Тогда всеобщее возмущеніе противъ „латинской сестры“ вылилось въ рядѣ враждебныхъ манифестацій, и парламентскихъ запросахъ, рѣзкихъ газетныхъ статьяхъ. Къ общему голосу присоединился и такой испытанный другъ Республики, какъ Грибальди. „Трактатъ Франціи съ тунисскимъ беємъ, — писалъ онъ въ 1881 года Ахиллу Фадзари, — уничтожилъ у меня то хорошее мнѣніе которое я имѣлъ о Франціи. Если ея несправедливыя притязанія на Африкѣ будутъ еще продолжаться, то мы будемъ принуждены вспомнить что Кароагенъ и Ницца такіе же французскіе города, какъ я татаринъ. Въ дальнѣйшемъ послѣдовалъ отказъ Франціи возобновить съ Италіей торговый договоръ, и началась та тарифная война, которая нанесла такой огромный ущербъ Италіи, парализовавъ надолго ея торговлю и промышленность. По этому поводу французскій комиссаръ, сенаторъ Тейссеренкъ де Борнь, заявилъ ведшимъ съ нимъ переговоры итальянскимъ представителямъ: „До тѣхъ поръ, пока вы будете въ тройственномъ союзѣ, между нами невозможны торговыя сношенія“. Прочныя добрыя отношенія съ Франціей такъ и не возобновились. Достаточно вспомнить инциденты по поводу налоговъ на Массау, итальянскихъ школъ въ Тунисѣ и т. д., вплоть до одного изъ послѣднихъ столкновеній, въ званнаго задержаніемъ во время итало-турецкой войны двухъ французскихъ пароходовъ „Мануба“ и „Кароагенъ“, чтобы понять, какъ много горечи и недовольства накопилось въ сердцахъ итальянцевъ по отношенію къ сосѣдней республикѣ.

„Среди нашихъ друзей, — пишетъ въ *Passagna Nazionale* депутатъ Содерини, — мы не можемъ считать ни Франціи, ни Германіи, ни Австріи намъ не приходится уплачивать долговъ признательности ни одной и воюющихъ державъ“. *Курьеръ Италіи* предупреждаетъ своихъ соотечественниковъ отъ увлеченія франкофильствомъ, для котораго „не имѣетъ никакихъ данныхъ ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ. Не надо забывать, что Италія для этихъ любезныхъ латинскихъ братьевъ была въ вымъ препятствіемъ на пути ихъ колониальнаго развитія и торговаго проникновенія. Достаточно было намъ высадиться въ Либіи, какъ тотчасъ началась поставка всего необходимаго нашему врагу черезъ тунискую границу. Начало укрѣпляться наше положеніе въ колоніи, и тотчасъ послѣдовала пощечина съ протестомъ по поводу „Кароагена“. Подобныя рѣчи раздаются не только въ лагерѣ клерикаловъ. Депутатъ социалистъ Кальда находитъ, напримѣръ, что „Франція оказывала намъ услуги, но и причиняла зло. У насъ еще не изгладилось воспоминаніе о нанесенныхъ намъ ею оскорбленіяхъ“. „Мы не можемъ забыть, — пишетъ Вико Мантегацца въ своей книгѣ „Средиземное море и его равн

вѣснѣ“ (Миланъ, Тревесъ, 1914 г.),—что повсюду принуждены были на-
талкиваться на Францію, причинявшую намъ затрудненія. Во время на-
шей абиссинской войны... главными совѣтниками Менелика были фран-
цузы, французское было золото, на которое онъ доставалъ оружіе и
амуницію, французы же были у него офицерами. Пятнадцать лѣтъ
спустя они чинятъ намъ препятствія во время войны съ Турціей. И,
наконецъ, когда, какъ слѣдствіе балканской войны, поднялся столь
жизненный для насъ албанскій вопросъ, вновь Франція, только одна
единственная Франція, рѣшительно возстала противъ насъ“.

Отсутствіе довѣрія и прочной, широко распространенной въ итальян-
скомъ обществѣ симпатіи къ Франціи, сознание противоположности инте-
ресовъ на Средиземномъ морѣ служить залогомъ того, что въ грядущемъ
выступленіи Италіи, если таковое будетъ, главную роль, несомнѣнно,
будутъ играть не вопросы побѣды „латинской расы“ или стремленіе
защитить республику „отъ несправедливаго нападенія“, не идейные
факторы, а исключительно соображенія выгоды и интереса. „Въ интер-
національной политикѣ,—заявилъ въ одной изъ своихъ послѣднихъ рѣчей
Саландра,—намъ необходимы ясное сознание дѣйствительныхъ интересовъ
страны... свобода отъ всякихъ предвзятыхъ мнѣній, предразсудковъ и
чувствъ, за исключеніемъ чувства безконечной преданности родинѣ,
чувства святого эгоизма во имя Италіи“. Слова эти гораздо правильнѣе
характеризуютъ дѣйствительное настроеніе итальянскаго общества, чѣмъ
гѣ франкофильскія статьи, которыя подъ вліяніемъ ненависти къ Австріи
стали за послѣднее время появляться въ итальянской печати. Это тѣмъ
болѣе вѣроятно, что въ Италіи еще меньшую симпатію вызываютъ къ
себѣ славяне. Мысль о нашей гегемоніи на Балканахъ или о нашемъ по-
явленіи на Средиземномъ морѣ не внушаетъ имъ ни малѣйшаго энтузіазма.
„Славянская опасность—вотъ тотъ жупель, который нарушаетъ ихъ
мечтанія о Трентѣ и Триестѣ... Истріи и Далмаціи.—Только славяне—наши
конкуренты на австрійское наслѣдство, только славяне могли бы предъ-
явить кое-какія права и кое-какія притязанія на территорію Истріи.
Но если вполнѣ вѣрно, что славяне австрійской монархіи, даже въ
случаѣ распаденія государства, имѣютъ право жить и не быть запертыми
и замурованными между горъ въ родныхъ долинахъ, то не менѣе спра-
ведливо, что, оставивши побѣдителямъ въ настоящей войнѣ чрезвычайно
важную полосу берега отъ Зары до Каттаро, нельзя было бы нарушить
коть какой-нибудь изъ существеннѣйшихъ интересовъ славянъ“ (Ромулъ
Каджез: *Il Sekolo*, № 17426). Итальянцамъ постоянно приходится вспо-
минать, что даже когда Мадзини писалъ (а писалъ онъ, когда еще Дал-
мація была болѣе итальянской, чѣмъ теперь): „мы должны итти на
Трентъ и Триестъ“, то прибавлялъ при этомъ: „но Фіуме и Зара должны
быть оставлены славянамъ, которыхъ тамъ по сравненію съ остатками

итальянцевъ большинство“. Имъ приходится вспоминать, что если городъ Триестъ остается попрежнему итальянскимъ, то окрестности его заселены сплошь славянами, а это будетъ плохимъ обезпеченіемъ въ будущемъ для мира, особенно если поблизости пройдетъ сербская граница. Какъ бы то ни было, а „славянская опасность“ внушаетъ теперь серьезныя опасенія многимъ итальянцамъ и является однимъ изъ главныхъ и наиболѣе убѣдительныхъ аргументовъ за нарушеніе нейтралитета и вмѣшательство въ „борьбу на защиту латинской расы“. ¹⁾ Боязнь, что сербы могутъ захватить земли, которыя итальянцы считаютъ своими дѣйствуетъ болѣе сильно, чѣмъ всѣ сообщенія о разрушеніи реймскаго собора и о попраніи правъ бельгійскаго народа. „Если Австрія не можетъ отстоять отъ славянъ захваченныя у насъ земли, то она не можетъ протестовать, если мы ихъ займемъ“—вотъ фраза, которая все чаще слышится въ Италіи и которая имѣетъ всѣ данныя превратиться въ будущемъ въ программу дѣйствій.

На совѣщаніи перваго августа итальянскій совѣтъ министровъ пришелъ къ соглашенію по слѣдующимъ пунктамъ:

I. Австрійская нота Сербіи была сообщена итальянскому правительству *послѣ того*, какъ была сообщена правительству сербскому. Такимъ образомъ Вѣна не предупредила римскій кабинетъ и не вела съ нимъ переговоровъ о своемъ столь важномъ и получившемъ немедленно общеевропейское значеніе рѣшеніи.

II. Одно изъ основныхъ положеній трактата о тройственномъ союзѣ заключается въ томъ, что ни одинъ изъ союзниковъ не можетъ предпринять никакихъ дѣйствій на Балканахъ, не придя раньше къ соглашенію съ другими союзниками. Такого предварительнаго соглашенія между Италіей и Австріей не было.

III. Тройственный союзъ имѣетъ оборонительный, а не наступательный характеръ и не можетъ обязать союзниковъ слѣдовать за тѣмъ изъ нихъ, кто начнетъ по своему почину и безъ предварительнаго предупрежденія другихъ агрессивныя дѣйствія.

IV. Главнѣйшій интересъ Италіи заключается въ томъ, чтобы адриатико-балканское равновѣсіе, установившееся послѣ недавнихъ войнъ на европейскомъ востокѣ, не было нарушено и чтобы продолжалъ превалировать принципъ: „Балканы—балканскимъ народамъ“. Между тѣмъ военныя дѣйствія Австріи противъ Сербіи, хотя вѣнское правительство и заявляетъ о неимѣннн у него территоріальныхъ цѣлей, таковы, что могутъ вызвать измѣненіе вышеупомянутаго равновѣсія.

V. Италія, не будучи предупреждена о томъ, что намѣрена пред-

¹⁾ Въ кампаніи, предпринятой значительною частью итальянской прессы противъ нейтралитета, этому аргументу удѣлялось главное мѣсто.

принять Австрія, была лишена возможности принять хотя бы тѣ нѣкоторыя мѣры предосторожности, которыя были необходимы для охраны ея наиболѣе существенныхъ интересовъ въ виду легко предвидимыхъ европейскихъ осложненій.

При чтеніи этихъ пунктовъ, послужившихъ затѣмъ матеріаломъ для безконечныхъ статей въ итальянской печати, невольно обращаетъ особое вниманіе совершенно необъяснимое на первый взглядъ отношеніе центральныхъ государствъ къ своей союзницѣ. Нѣтъ сомнѣній, что они отлично знали о противорѣчивости австрійскихъ и итальянскихъ интересовъ, о враждебномъ къ Австріи общественномъ мнѣніи, о томъ, что Италія всѣми силами будетъ противиться ихъ плану, но не могли же они считать для себя столь неустрашимыми эти препятствія, чтобы откачаться отъ всякой попытки. Это тѣмъ болѣе странно, что они легко могли использовать столкновеніе итальянскихъ интересовъ съ французскими и безъ особыхъ пожертвованій со своей стороны создать въ итальянскомъ обществѣ благопріятное для себя теченіе. Сторонники родственнаго союза рассчитывали на это даже послѣ объявленія войны. По словамъ одной, обычно хорошо освѣдомленной газеты, даже министръ иностранныхъ дѣлъ Санъ Джуліано надѣялся, что Италія будетъ предложена немедленно Трентино и такимъ образомъ погашенъ одинъ изъ тарыхъ счетовъ. Но, конечно, ничего подобнаго не было сдѣлано. Центральныя государства „позволяли себѣ третировать“ свою союзницу потому, что прекрасно знали цѣлый рядъ обстоятельствъ, не дозволившихъ Италіи прийти къ нимъ на помощь и выйти изъ нейтралитета.

Дѣйствительно, если Италія, вопреки своимъ интересамъ, пожелала бы остаться вѣрной трактату, потерявшему для нея всякое значеніе, о выступленіе Англіи лишило ее возможности вредить Франціи, такъ какъ берега ея были открыты для нападенія, а флотъ даже въ соединеніи съ австрійскимъ недостаточенъ для сопротивленія англо-французской средиземной эскадрѣ. Кромѣ того, она рисковала потерять съ такимъ трудомъ и жертвами доставшіяся ей колоніи и быть отрѣзанной отъ войскъ, до сихъ поръ еще завоевывающихъ Триполитанію.

Обречь на разрушеніе свое побережье, свои цвѣтушіе острова, подвергнуть бомбардировкѣ Геную, Ливорно, Неаполь, Палермо, Мессину было немисливо для Италіи. Никакія компенсаціи не могли вознаградить ее за такія потери.

Огромное вліяніе на поведеніе Италіи участія въ конфликтѣ Англіи читывалось давно. Еще въ мартѣ 1913 года полковникъ Репингтонъ писалъ въ *Таймз*: „Предоставленіе нашего флота въ пользу Франціи озволяетъ нашимъ друзьямъ не безпикнуть о защитѣ ихъ береговъ, держиваетъ Италію, особенно послѣ того, какъ она устремилась въ Африку, позволяетъ Франціи воспользоваться въ другомъ мѣстѣ своимъ

прекраснымъ альпійскимъ войскомъ и спокойно перевести въ метрополи свои африканскія и колоніальныя силы“. Приняли въ соображеніе это обстоятельство, конечно, и центральныя государства. „Въ Берлинѣ Вѣиѣ, понятно, не могли не знать,—вполнѣ справедливо указываетъ профессоръ Ферстеръ въ *Tag'ѣ*,—что въ случаѣ войны Англія всегдѣ могла принудить Италію къ нейтралитету“.

Эту простую истину, къ сожалѣнію, очень часто за послѣднее время забываютъ итальянскіе патріоты и политики.

Бывшій товарищъ военнаго министра генераль Фортунато Марацци пишетъ, напримѣръ, восхваляя вооруженный нейтралитетъ: „По моему мнѣнію, Италія могла бы считаться въ настоящее время вершителемъ судьбы Европы, потому что всѣсы военной фортуны склонятся въ ту сторону, на которую она броситъ свою шпагу“ („Италія въ европейскомъ конфликтѣ“. Слово парламента при... закрытомъ парламентѣ. Римъ, 1914 г.). Депутатъ Нунцианте полагаетъ, что „не будетъ преувеличеніемъ сказать, что отъ нашего поведенія зависить окончательный исходъ войны“. (ibidem).

„Для Франціи,—утверждаетъ въ *Національной Идей* Франческо Коппа,—нашъ нейтралитетъ казался и былъ спасеніемъ, принимая во вниманіе тѣ семь или восемь итальянскихъ корпусовъ, которые маршировали бы съ юга въ то время, какъ двадцать нѣмецкихъ корпусовъ наступали бы съ сѣвера“. Другіе, выражаясь менѣе рѣшительно, тѣмъ не менѣе высказываютъ мысль, что „за сохраненіе столь выгоднаго двойственнаго соглашенія нейтралитета (нѣкоторые въ то же самое время спѣшатъ указать на его выгоды и для германскихъ государствъ) Италія должна будетъ получить по окончаніи войны, по крайней мѣрѣ, возможность полностью возстановить свои прежнія границы“.

Подобныя рѣчи отчасти объясняются вліяніемъ остальной европейской печати, усиленно приглашавшей Италію присоединиться каждая къ своей сторонѣ и щедро обещававшей награды за чужой счетъ. Повинны въ этомъ и австро-нѣмецкія газеты и органы тройственнаго соглашенія. Но если подъ вліяніемъ газетныхъ статей можно допустить забвѣніе роли Англіи и увлечѣніе идеей „Италіи, вершительницы судьбы Европы“, то имѣлись вѣдь еще и другія обстоятельства, отнимавшія у итальянскаго правительства свободу выбора между воюющими сторонами, въ крайней мѣрѣ, по минованіи перваго момента. И эти обстоятельства могли ускользнуть отъ вниманія итальянскихъ политиковъ.

„Война за Германію и совместно съ Германіей не была бы встречена съ отвращеніемъ,—говоритъ бывшій министръ народнаго просвѣщенія Леонардо Бьянки,—но совершенно иное дѣло по отношенію къ Австріи... не много найдется итальянцевъ, которые симпатизировали бы нашей сосѣдкѣ“. Въ Италіи ни для кого не составляетъ секрета, что

объявивъ войну за Австрію, правительству пришлось бы при данныхъ условіяхъ подавить до начала военныхъ дѣйствій серьезное возстаніе внутри страны. Пришлось бы разрушать баррикады въ Миланѣ, Туринѣ, Генуѣ, предотвратить всеобщую желѣзнодорожную забастовку, пережить вновь, но только въ неизмѣримо большихъ размѣрахъ, въ неизмѣримо большей степени недавніе „кровавые дни“. Подавляющее большинство страны было бы на сторонѣ возставшихъ, и само возстаніе на этотъ разъ было бы и подготовлено и организовано заранѣе. Конечно, вступивъ въ борьбу, правительство въ концѣ-концовъ побѣдило бы, но на какой шагъ не могло отважиться никакое правительство Италіи, а тѣмъ болѣе „комитетъ безвременья“, не пользующійся ни особымъ престижемъ, ни особымъ вліяніемъ. Руководители крайнихъ партій въ данномъ случаѣ прекрасно учитывали свои силы. Въ этомъ отношеніи характерно заявленіе одного изъ лидеровъ итальянскаго социализма Муссолни: „представители національныхъ экономическихъ организацій, рѣшивъ объединиться къ забастовкѣ при однихъ обстоятельствахъ (при войнѣ противъ тройственнаго соглашения), не соглашались взять на себя столь жасное обязательство при другихъ условіяхъ... вотъ почему... итальянская социалистическая партія не будетъ пытаться осуществить на практикѣ активный протестъ въ случаѣ войны съ Австріей и ограничится протестомъ идейнымъ“.

Если выступленіе Англіи и рѣшительное поведеніе крайнихъ партій, а сторонѣ которыхъ было подавляющее большинство населенія, лиало правительство свободы выбора, то имѣлась еще другая причина первостепенной важности, принуждавшая Италію къ нейтралитету и лишавшая этотъ нейтралитетъ того значенія и той цѣнности, которыя ему пытались придать итальянскіе писатели и дипломаты.

„Въ августѣ мы не были готовы“,—говоритъ депутатъ Иваноэ Боми.

„Къ несчастію,—признается неоднократно бывший товарищемъ министра Джероламо Дель Бальца,—я долженъ согласиться съ тѣмъ, что а послѣдніе годы страну обманывали какъ относительно ея финансоваго положенія, такъ и относительно боеспособности и подготовки ея войска“. Факты и событія какъ недавняго прошлаго, такъ и послѣднихъ дней всецѣло подтверждаютъ ихъ слова.

Полгода тому назадъ, когда Салаандра объявлялъ о составѣ своего кабинета, портфель военнаго министра не былъ еще никому врученъ. Предполагалось, что на этомъ посту останется прежній министръ, генераль Шингарелли, но болѣзнь помѣшала ему принять приглашеніе. Тогда Салаандра обратился къ командиру одной изъ миланскихъ дивизій, Порро, но и на этотъ разъ переговоры не увѣчались успѣхомъ. Генераль Порро высказалъ твердое убѣжденіе, что „войско, благодаря африкан-

ской кампаніи, совершенно разстроено и нуждается въ немедленной и полной реорганизаціи. Послѣ увеличеній и реформъ, произведенныхъ за послѣднее время въ другихъ европейскихъ арміяхъ, оно совершенно не въ состояніи удовлетворить своему назначенію. Недостаточенъ его мирный составъ, недостаточна артиллерія, военные магазины лишены самаго необходимаго: нѣтъ обуви, обмундировки, нѣтъ нужнаго количества припасовъ и матеріаловъ. Италія бѣдна военными дорогами, ея пограничныя крѣпости и береговья укрѣпленія далеко не на должной высотѣ. Необходимо увеличить унтеръ-офицерскій и улучшить офицерскій составъ и т. д.“ Порро упорно настаивалъ на неизбежности немедленнаго увеличенія мирнаго состава съ 275 тысячъ до 325, что повело бы къ росту ежегоднаго расхода на пятьдесятъ милліоновъ, и на необходимости затраты шестисотъ милліоновъ на реорганизацію арміи.

Для итальянскаго общества, привыкшаго за періодъ турецкой войны къ восхваленію національной арміи, ея силы и мощи, къ гимнамъ совершенству итальянской техники и итальянскаго оружія, мнѣніе генерала Порро было неожиданнымъ и тяжкимъ ударомъ. Въ печати поднялась дѣлая буря. Официальные органы пытались успокоить общественное мнѣніе, смягчивъ смыслъ утвержденій черезчуръ откровеннаго генерала, но не нашлось ни одного авторитетнаго критика, который рѣшился бы опровергнуть его заявленіе. Наоборотъ, на его сторону стали, расходясь съ нимъ лишь въ деталяхъ, виднѣйшіе военные писатели Италіи.

Редакторъ военной газеты *La Preparazione*, профессоръ Генрихъ Бароне, подтвердивъ основныя положенія Порро, заявилъ, что при современныхъ условіяхъ необходимо отпустить въ распоряженіе военной администраціи около полумилліарда, не считая уже вотиrowанныхъ кредитовъ. Половина этихъ денегъ должна пойти на укрѣпленія и казармы, другая—на артиллерію крупнаго калибра и на различный мобилизаціонный матеріалъ. „Иначе наше войско не будетъ стоять на уровнѣ современныхъ требованій и открытій“ (*La Tribuna*, 29 марта). Парламентскій докладчикъ по военной смѣтѣ, депутатъ Паисъ-Серра, тоже указалъ на то, что Италія, если не хочетъ остаться безоружной въ рѣшительную минуту, должна не терять времени. Ея войску нехватаетъ лошадей, санитарныхъ отрядовъ, осадныхъ парковъ, автомобилей. Ея воздушный флотъ нуждается въ значительномъ пополненіи.

Новое министерство, считаясь съ состояніемъ государственной кассы и съ настроеніемъ парламснтскаго большинства, не согласилось на представленныя генераломъ Порро категорическія требованія и обратилось къ генералу Гранди, предложившему, по словамъ *La Tribuna* отъ 10 октября, болѣе скромныя условія, т.-е. ассигновку въ размѣрѣ двухсотъ милліоновъ. Предполагалось, что эта сумма должна хватить

на всѣ необходимыя расходы, тѣмъ болѣе, что военные магазины, по крайней мѣрѣ, въ министерской деклараціи, оказались снабженными всѣмъ необходимымъ. Общественное мнѣніе успокоилось послѣ этихъ утверждений, особенно послѣ того, какъ товарищемъ министра былъ назначенъ извѣстный по своей энергіи и предпримчивости генераль Тассонни, проявившій себя съ самой лучшей стороны въ Киренаикѣ. Однако, когда вспыхнула война, то обнаружилось, что за протекшее время были приняты далеко не всѣ требовавшіяся мѣры и что далеко не всѣ пробѣлы и недостаки были пополнены. Поставка новаго артиллерійскаго матеріала задерживалась. Попрежнему недоставало обмундировки, особенно зимней. Заказанныя орудія крупнаго калибра не прибыли. Лошадей тоже не было. Командиры отдѣльныхъ корпусовъ по долгу службы періодически посылали рапорты о всемъ недостававшемъ въ магазинахъ отдѣльныхъ районовъ и просили о соотвѣствующихъ распоряженіяхъ, а министерство спокойно регистрировало и распределяло по каталогамъ эти настойчивые рапорты, оставляя ихъ безъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Черезчуръ же ревностные командиры получали отъ министерства указанія на отсутствіе необходимости упорствовать въ сообщеніи фактовъ, и безъ того хорошо извѣстныхъ министерству (*Il Giornale d'Italia*, 7 октября).

За послѣднее время военное министерство постаралось проявить всю возможную энергію и поспѣшность. Но лихорадочная торопливость и нервность не могли не отразиться на дѣлѣ. Было сдѣлано не мало промаховъ, ошибокъ, упущеній.

Посыпались королевскіе декреты объ отпускахъ нужныхъ суммъ. 16 августа было ассигновано шесть съ половиной милліоновъ на покупку зерна для войска, 21 августа присоединяется къ суммѣ обычныхъ военныхъ расходовъ 21.212,000 лиръ на содержаніе увеличеннаго состава и выдается 79.800,000 лиръ на экипировку и другіе расходы. 5 сентября разрѣшается военной администраціи покупка зерна, кофе, сахара на тридцать три милліона и, сверхъ того, отпускается шесть милліоновъ на казармы и два—на медикаменты. 9 октября слѣдуетъ новое ассигнованіе въ размѣрѣ 160 милліоновъ на нужды войска и 7 милліоновъ на нужды флота. Въ общей суммѣ это составляетъ около 341 милліона лиръ, потраченныхъ на нужды войска отъ начала европейской войны. Всѣ эти мѣры теперь, конечно, безсильны поставить армію на нужный уровень и дать ей необходимую боеспособность. Нельзя внезапно создать орудія, возвести крѣпости, обучить людей. Сромъ денегъ, для этого необходимо и время. По мнѣнію специалистовъ, Италіи, чтобы быть готовой къ выступленію, придется долго соизмѣряться съ силами. До новаго года, а можетъ быть, даже до весны ей надо будетъ избѣгать рѣшительныхъ дѣйствій.

„О чемъ же думали раньше наши министры? Какъ могли они довести страну до такого позора?—спрашиваютъ теперь со всѣхъ сторонъ.—Какъ можно надѣяться на правительство и вѣрить ему, когда оно въ теченіе долгихъ лѣтъ не могло поставить войска на должную высоту, когда оно оказалось виновнымъ въ преступной небрежности вѣдѣній подготовки народной обороны, когда оно не воспользовалось временемъ процвѣтанія нашихъ финансовъ и благопріятнымъ политическимъ моментомъ... Страна и парламентъ никогда не отказывали въ просимыхъ у нихъ суммахъ на армію и флотъ. Кто же, кромѣ правительства, виновенъ теперь въ тѣхъ пробѣлахъ, которые обнаружены въ настоящее время въ нашей боевой подготовкѣ“. Такъ пишетъ консервативный *Corriere della Sera*.

Отвѣтственность правительства, поставившаго страну въ безвыходное положеніе, конечно, велика. Его ошибка могла послужить причиной величайшихъ бѣдствій для страны, и, быть можетъ, еще не миновала до сихъ поръ эта опасность, но причины, побудившія правительство поступить именно такъ, вполне ясны и понятны.

По заключеніи въ Лозаннѣ мира тогдашнее министерство очутилось передъ трудной дилеммой: война истощила кассу и дезорганизовала войска; исцѣлить оба зла было невозможно, нужно было выбрать и либо привести въ порядокъ совершенно разстроенные финансы страны, не думая о войскахъ, либо поставить во главу угла военную реформу, отказавшись надолго отъ финансоваго оздоровленія Италіи. Стремленіе поднять благосостояніе страны взяло верхъ, и армія должна была ограничиться смѣтой, немногимъ превышающей нормальную. Такая линія поведенія диктовалась прежде всего тѣмъ соображеніемъ, что послѣ балканскаго кризиса общеевропейское положеніе считалось не внушавшимъ никакихъ опасеній. Господствовало убѣжденіе, что въ Европѣ не можетъ быть войны между двумя великими державами, которая не повела бы неизбѣжно къ европейскому или даже міровому конфликту. Возможность же такого конфликта совершенно не допускалась. Во-вторыхъ, устранивъ въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ финансовыя затрудненія, можно было безъ особаго труда получить необходимыя на траты суммы, давъ, кромѣ того, войску вооруженіе по послѣднимъ моделямъ и поставивъ его такимъ образомъ сразу наравнѣ съ наиболѣе передовыми арміями. Такова была программа предыдущаго кабинета, послушнымъ исполнителемъ воли котораго былъ генераль Спингарелли. Такой же программы намѣревался придерживаться и Саландра, обратившійся сначала съ предложеніемъ сотрудничать къ Спингарелли. Генераль Порро своими заявленіями, надѣлавшими слишкомъ много шума, заставилъ измѣнить первоначальный планъ, но только отчасти. Чтобы успокоить общественное мнѣніе страны, были сдѣланы

рупныя ассигновки, было обѣщано „принять самыя энергичныя мѣры“, были сдѣланы даже не соответствовавшія дѣйствительности заявленія, родѣ, напримѣръ, утвержденія, что военныя магазины снабжены всѣмъ необходимымъ, но по существу въ военномъ министерствѣ все шло по-старому до самаго послѣдняго времени.

Боевая неподготовленность Италіи въ значительной степени обезцѣиваетъ ея нейтралитетъ и заставляетъ его охарактеризовать не какъ „бдѣтельный и вооруженный“ или продиктованный какими-либо высшими расовыми либо идеологическими соображеніями, а какъ нейтралитетъ „вынужденный, нейтралитетъ безсилія. Это—національная трагедія, но въ то же время это логическое неизбежное слѣдствіе всей предыдущей политики Италіи, ея африканской войны, ея разстроенныхъ финансовъ. При свѣтѣ этого факта становится, пожалуй, понятнымъ отношеніе къ Италіи центральныхъ государствъ. Для нихъ она представляла, можетъ быть, „quantité négligeable“ и какъ союзница и какъ возможный врагъ. Они предвидѣли, что при ея подготовкѣ и при состояніи ея государственной кассы она будетъ надолго отстранена отъ конфликта, и не считали нужнымъ посвящать ее въ свои планы и намѣренія. Такое поведеніе съ ихъ стороны было тѣмъ болѣе цѣлесообразно, что они рѣшительно не могли ожидать, какъ это было указано выше, выступленія Италіи въ свою пользу, благодаря слабости ея флота и незащищенности ея береговъ. Кромѣ того, такому выступленію оказало бы энергичное ротиводѣйствіе общественное мнѣніе страны, враждебное Австріи. Два послѣднихъ фактора могутъ еще сыграть опредѣленную роль для выпущенія Италіи, когда она соберется съ силами и средствами. Стимуломъ для лихорадочной подготовки и для послѣдующаго возможнаго отказа отъ нейтралитета можетъ служить при указанныхъ выше обстоятельствахъ „славянская опасность“, стремленіе предохранить отъ новаго завата земли, считаемя Италіей своими. Во всякомъ случаѣ врядъ ли въ ближайшемъ будущемъ дѣйствія Италіи будутъ направляться благожелательными чувствами къ Франціи, ея соперницѣ на Средиземномъ морѣ, ли сообразоваться съ существованіемъ трактата тройственнаго союза, гмѣненнаго de facto съ обѣихъ сторонъ съ объявленіемъ войны и не представляющаго для Италіи въ настоящее время никакой цѣнности.

В. Н. Рихтеръ.